

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/20/8

КОНЦЕПЦИЯ ДОГОВОРНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Вероника Вячеславовна Колесник

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия, nikipohta@mail.ru

Аннотация. Совокупность идеологических, политических, технических причин подводит к осознанию необходимости создания концепции уголовно-процессуальных договорных производств. Эта концепция призвана объяснить природу тех новых процедур, появившихся в последние десятилетия, которые в основе своей имеют согласие обвиняемого с обвинением и предполагают совершение обеими сторонами посткриминальных действий в пути к разрешению уголовного дела на взаимовыгодных условиях. Поскольку институт договорных уголовно-процессуальных производств в принципе противоречит классической доктрине, постольку необходим сдвиг на доктринальном, теоретико-методологическом уровне, что и призвана сделать предлагаемая автором концепция.

Ключевые слова: уголовный процесс, договор, обвинение, стороны

Для цитирования: Колесник В.В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48. doi: 10.17223/23088451/20/8

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/8

THE CONCEPT OF CRIMINAL PROCEDURE CONTRACT

Veronika V. Kolesnik

Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia, nikipohta@mail.ru

Abstract. The Russian law of criminal procedure has accumulated plenty of special criminal proceedings that claim to have independent significance and doctrinal recognition. They all are based on the agreement of the parties: the state prosecution represented by the prosecutor (investigator), on the one part, and the defense and the accused on the other. Meanwhile, the disposal of the accusation and its grounds is limited both at the doctrinal, theoretical, and ideological levels, and in the positive legal model. There is a need for a more consistent introduction of the contractual model into the criminal proceedings, which implies that the parties are no longer limited in their disposal of procedural and material components of the accusation as well as of the factual basis elements. Specifically, the Russian law of criminal procedure should allow and then spell out the possibility and forms of its implementation to mitigate the accusation by consent of the parties. In turn, the accused, by agreement, is obliged to carry out post-criminal actions in favor of the prosecution, including assisting in criminal prosecution, compensation for damages, etc.

Keywords: criminal process, contract, accusation, parties

For citation: Kolesnik, V.V. (2022) The concept of criminal procedure contract. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 42–48. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/8

Наступление новой эпохи, провозглашенной руководством нашего государства, требует сильных идей во всех сферах юридической деятельности, в том числе и в уголовно-процессуальной сфере [1]. Между тем российская доктрина уголовно-процессуального права демонстрирует определенную косность. В теоретико-методологической основе она имеет ряд постулатов, унаследованных из советской эпохи, препятствующих развитию новых идей, отражающих тенденции глобализации, конвергенции, универсализации, происходящих в правовом пространстве по ряду причин, включая воздействие цифровых технологий.

Наиболее остро это проявляется в вопросе о расширении сферы договорных уголовно-процессуальных и

уголовно-правовых отношений. Нельзя сказать, что данная тема осталась без внимания ученых. Ей посвящено достаточно много работ. Общим местом в них является признание исключительности договорного способа и доминирование императивно-правового метода регулирования в сфере противодействия преступности [2. С. 13–15; 3. С. 6–11, 36–42; 4. С. 8–9, 12, 31; 5. С. 112–113]. Тем не менее отсутствует существенный сдвиг в понимании приемлемости сделки сторон в отношениях, развивающихся по линии: преступление – обвинение – приговор – уголовная ответственность.

Из работ некоторых ученых [6. С. 19–207; 7. С. 236–245] можно заключить, что к числу главных препятствий для укоренения в теории и в позитивном праве

договорного способа разрешения уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов, как полноценного элемента механизма правового регулирования, относятся следующие постулаты ортодоксального учения:

– уголовный процесс порождается событием преступления как фактом объективной реальности, который требует наступления правовых последствий;

– предметом уголовного процесса (уголовно-правового спора) является данный факт объективной реальности, «процессуальный предмет» жестко детерминирован реальностью, а потому объективен/материален и не может быть изменен участниками судопроизводства;

– уголовно-правовая реальность в виде преступления и наказания также обусловлена фактом совершения преступления и потом независима от процесса и воли его участников;

– уголовный процесс является *оформлением* этой *объективной* уголовно-правовой реальности через познание объективной истины;

– объективная истина выступает процессуальным переходом между объективной и уголовно-правовой «реальностями», которые, кстати, многими теоретиками отождествляются как «материальная». Примером может служить понятие «механизм уголовно-правового регулирования» в трактовке ведущих специалистов уголовно-правовой науки [8. С. 10–12, 45–56].

С этими и другими идеями связан идеал неотвратимости уголовной ответственности всех преступников [9. С. 72], который стимулирует и оправдывает активность государства в единстве его «судебно-следственных», «правоохранительных органов», осуществляющих противодействие преступности.

Такое ортодоксально-материалистическое мировоззрение, при котором все процессуальное и уголовно-правовое однозначно детерминировано объективной реальностью, не оставляет места для проявления воли субъектов уголовно-процессуальных отношений по сотворению правовой реальности договорным путем. Отсюда вытекают последствия для *главной детали* уголовно-процессуального механизма: *обвинения* в его процессуальной (предметной, фактической) и уголовно-правовой (материальной) составляющих.

Принципиальный теоретико-мировоззренческий вопрос состоит в их объективности или материальности (что, как уже указывалось, часто смешивается) и мере в них искусственного, создаваемого участниками уголовного процесса, а соответственно, возможности влияния на них договорным путем. Пока такая возможность на доктринальном уровне в принципе исключена.

Господствующее учение об обвинении исключает возможность какого-либо договора между сторонами. Принято считать, что обвинение является утверждением, соответствующим действительности, истинность которого в окончательном виде устанавливается судом; предмет обвинения отражает реальное преступление и не может быть изменен по воле обвинителя, по соглашению сторон; в ходе доказывания обвинения устанавливается объективная истина; доказывание истины по предмету выдвинутого обвинения, но и за его предела-

ми, является солидарной обязанностью как прокурора, следователя, так и суда [10. С. 76–86; 11. С. 329–335; 12. С. 98–105].

В силу принципов публичности, законности, объективной истины изменение обвинения находится в прямой причинной связи с доказанностью фактических обстоятельств, составляющих его основание. Изменение обвинения происходит только в силу материальной причины, а не в результате договора сторон.

Примыкает к вышеуказанным элементам материалистического учения об обвинении и его основаниях классическое положение о свободе оценки доказательств правоприменителем (в первую очередь, судом). Этот принцип доказательственного права, закрепленный в ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), порождает запрет, закрепленный в ч. 2 ст. 77 УПК РФ: обвинять и привлекать к уголовной ответственности на основании одних только признательных показаний обвиняемого. В свою очередь, данный запрет при его догматическом истолковании означает запрет разрешать уголовное дело в результате признания обвинения обвиняемым, т.е. не позволяет трактовать эту ситуацию как проявление свободы распоряжения одной из сторон (защиты) своим материально-диспозитивным (исковым) правом на признание иска (обвинения). Согласно классической доктрине, такая «вольность» исключена – государство в лице публичного обвинителя обязано активно доказать обоснованность обвинения, и в лице суда, как минимум «субсидиарно», тоже проверять, оценивать доказанность обвинения – независимо от позиции обвиняемого (защиты). Подобная активность государства объясняется его заботой о правах личности.

Такая идеология делает в принципе невозможным торг сторон по предмету обвинения – преступлению, по исходу уголовного процесса. Со временем фундамент этой вроде незыблемой доктрины, освещенной светом объективности и нравственности, стал подтачиваться различными течениями. Во-первых, это гуманистический тренд, тренд на декриминализацию, смягчение уголовной политики. Он стал модным в период слома советской правовой доктрины с ее аксиомой бескомпромиссной борьбы с преступностью, строительства правового государства и расцвета либеральных воззрений. В постсоветской криминологии-криминалистической науке возобладала концепция контроля над преступностью, а не полного искоренения ее. Концепция компромисса с преступностью [13. С. 79–86; 14. С. 7–48] создает благоприятную предпосылку и для смены концептуальных основ других наук антикриминального цикла.

Вместе с гуманизацией уголовной политики, возможностью компромисса, если угодно, *соглашательства* в отношениях с преступностью, на уголовно-политическом уровне признана допустимость «соглашения» с обвиняемым в процессе [15. С. 242–260]. Однако пределы компромисса – соглашения оговаривались достаточно узкие, а именно: применение альтернативных мер уголовной ответственности. Под сомнение учение о механизме уголовно-процессуально-правового регулирования не ставилось и не ставится.

Между тем гуманизация привела к представлениям о большей простительности предпринимательских преступлений по сравнению с общеуголовными. Именно это идеологема лежит в основании комплексного института, включающего уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, образующие особый порядок привлечения к уголовной ответственности субъектов предпринимательских преступлений. В современной уголовной политологии, антикриминальных науках идея возможности и даже желательности компромисса в сфере противодействия преступности (особенно экономической) [16. С. 8–9, 11; 17. С. 20–21; 18. С. 316–319, 320–325; 19. С. 198; 20. С. 8] стала вполне respectable, получившей официальное одобрение. Как минимум в этой сфере создалась благоприятная среда для концепции договорных отношений между обвинителем и обвиняемым.

Разрушению монолита доктринальных воззрений на то, как происходит привлечение к уголовной ответственности преступника, способствуют и другие актуальные темы, в частности, и тема о введении в отечественное уголовное право категории уголовного проступка, впрочем, не завершившаяся каким-то конкретным результатом.

Все это свидетельствует о том, что классическая доктрина об уголовной ответственности и механизме ее реализации не может быть единственным средством объяснения того, как возможно организовать противодействие преступности в свете формы обвинения, уголовного преследования.

Именно в учении об обвинении мировоззренческого сдвига не произошло. Символично и то, что порядок выдвижения обвинения при ведении предварительного следствия остается неизменным с советских времен. Подобный консерватизм неслучаен и является верным показателем неизменности устройства уголовно-процессуально-правового механизма осуществления уголовно-правового воздействия на преступность.

На наш взгляд, концепция избирательного, целесообразного подхода к применению уголовной репрессии не может не иметь выхода на учение об обвинении – формы его выдвижения и изменения, в том числе в результате сделки сторон.

В недрах отечественной уголовно-процессуальной науки есть наработки для концепции пересмотра института обвинения. Еще в начале XX в. неизбежность избирательности уголовной репрессии была увязана с допущением субсидиарного обвинения как конкурента публичному – прокурорскому обвинению и расширением предмета частного обвинения. Это тематика развивалась в общем контексте искового учения об обвинении [21. С. 104–142; 22. С. 110–122]. Впрочем, далее научных рассуждений тема о демополизации полномочий публичной власти на обвинение и допущение частного/диспозитивного элемента в механизм выдвижения обвинения развития не получила. И не только по причине смены государственно-правового строя. Монополизация обвинения государством в России, как и в других государствах с романо-германской правовой системой, делает менее гибкой доктрину по вопросу о

реагировании уголовно-процессуально-правовой системы на преступление и форму, меру этого реагирования – в виде дифференциации форм обвинения, расширения круга его субъектов, меры свободы распоряжения публичным и частно-публичным обвинением (уголовным иском) [23. С. 46–50; 24. С. 105–115; 25. С. 207–210].

Обвинение является краеугольным камнем уголовно-процессуально-правовой системы противодействия преступности. Мы разделяем этот постулат классической уголовно-процессуальной доктрины.

Отметим радикальную перемену ситуации. Если раньше речь шла о нехватке ресурсов государственного обвинения для сдерживания преступности, то теперь, наоборот, прогнозируется избыточность ресурсов для возможного выдвижения обвинения публичной обвинительной властью или частным обвинителем против граждан. Имеется в виду фактор цифровизации, который, с точки зрения некоторых авторов, окажет глобальное влияние на государственно-правовой механизм противодействия преступности [26].

Следует согласиться с позицией, согласно которой классическая уголовно-процессуально-правовая доктрина с ее интенцией к абсолютизации связи преступления и наказания представляет угрозу не только личности, но и обществу, в условиях глобализации контроля за людьми, многократного увеличения технического потенциала по фиксации преступного поведения и получения оснований для выдвижения обвинения. Техническая возможность обнаружения основания для выдвижения обвинения против каждого человека должна найти юридический предел, ибо в этом есть уже политико-правовая целесообразность для правового государства, гарантирующего свободу и права человека.

Таковы предпосылки для создания концепции договорных уголовно-процессуальных производств привлечения к уголовной ответственности. Однако главная причина создания такой концепции кроется в накопившихся изменениях и дополнениях законодательства, количество которых позволяет констатировать некое качественно новое образование, которое не укладывается в догму и требует принципиально нового – концептуального объяснения.

К числу этих нетрадиционных для нашего права и доктрины производств можно отнести: особый порядок судебного разбирательства (Глава 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ), сокращенное дознание (Глава 32.1 УПК РФ) и др.

В основе любого из них лежит *согласие обвиняемого с обвинением*, т.е. в них присутствует элемент договорного начала. Все они вместе и каждое в отдельности противоречат ст. 77 ч. 2 ст. 17 УПК РФ, идут против канона теории доказательств, который всегда почитался гарантией (публично-правовой, процессуальной) невозврата в инквизиционное, репрессивное прошлое. Однако теперь он конкурирует с другим концептом – свободой человека самостоятельно распоряжаться своей судьбой и концепцией правовой – исковой самозащиты субъектом своих прав и свобод. Возникает идеологический выбор между публично-правовой, государственной гарантией защиты прав личности или предоставления ей права

защищаться самостоятельно. Этот выбор изначально должен быть сделан на доктринальном уровне.

В рамках отдельных научных разработок данный вопрос многократно поднимался, но опять же получал ограниченное узкой темой разрешение: вроде, например, создания особой разновидности частно-публичного обвинения и особого – договорно-штрафного метода разрешения частно-публичного уголовно-правового спора (ст. 28.1 УПК РФ) как воплощение партнерства государства и бизнеса в сфере противодействия экономической преступности [27. С. 233–238; 28. С. 99–103; 29. С. 7–8, 12].

Впрочем, и эта концепция, и другие доморощенные учения, как, скажем, учение о дифференциации процессуальной формы, не дают удовлетворительного ответа на вопрос о том, можно ли обвинителю, публичному обвинителю по должности – прокурору, заключать от имени государства сделку с обвиняемым по предмету и основаниям публичного обвинения и таким путем определять исход уголовного дела.

В теории назрела потребность в осмыслении опыта правового строительства договорных производств и в выработке концепции, позволяющей подвести их все на единую теоретико-методологическую и новую категориальную платформу. Полагаем возможным разработать такой научный проект, в связи с чем изложим его основные элементы в их первоначальной разработке.

К объекту предполагаемой концепции уголовно-процессуальных договорных производств мы относим следующие процедуры:

- особый порядок судебного разбирательства (Глава 40 УПК РФ);
- досудебное соглашение о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ);
- сокращенное дознание (Глава 32.1 УПК РФ);
- назначение меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (ст. 25.1, 446.1–446.5 УПК РФ);
- прекращение уголовных дел по нереабилитирующим, так называемым договорным или согласительным штрафным основаниям [30]: ст. 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1 УПК РФ.

Мера договорности в отдельных производствах различна, и сам институт обвинения в разной мере может быть охвачен концепцией договора. Однако везде можно проследить выход на данную тематику, хотя эти выходы прямо не регулируются законом.

Общие черты, объединяющие все вышеуказанные производства, состоят в следующем:

- согласие обвиняемого с обвинением, что допускает возможность торга сторон;
- дача признательных показаний обвиняемых, составляющих фактическую основу для правоприменения;
- бесспорность уголовного дела – как общая характеристика уровня установления фактических обстоятельств дела – с позиции обеих сторон, но также и суда;
- согласие обвиняемого понести уголовную ответственность, как правило, выраженное в форме ходатайства;
- отказ стороны защиты оспаривать обвинение и опровергать обвинительные доказательства; пассивность в доказывании;

– сотрудничество или во всяком случае непротивление уголовному преследованию со стороны защиты;

– смягчение меры уголовной ответственности в виде размера и вида наказания или замены его альтернативной мерой юридической ответственности;

– обязательное участие защитника в этой процедуре;

– обязательное участие прокурора – как представителя обвинительной власти, отвечающего за общую организацию обвинительной деятельности (в этой связи, кстати, несистемным выглядит ограничение участия прокурора в процедуре, предусмотренной Главой 51.1 УПК РФ. Полагаем, оно должно быть устранено на концептуальном уровне);

– наличие гарантий для перехода на общий порядок по инициативе не только стороны защиты, но и органа, ведущего уголовное дело, в том числе суда.

Таковы главные проявления общей схемы договора в позитивно-правовых моделях некоторых уголовно-процессуальных производств, которые мы предполагаем проявить и развить на концептуальном уровне.

Целями концепции являются, во-первых, оправдание в рамках научного проекта уголовно-процессуальной сделки между прокурором и обвиняемым (защитой) по предмету обвинения (уголовного иска), включая вопросы уголовно-правовой квалификации, а также оснований обвинения, включая вопросы об отказе от использования обвинительных доказательств, формирования признательных показаний и пр.; во-вторых, подведение общей теоретико-методологической основы (платформы) под договорные уголовно-процессуальные производства; в-третьих, состыковка ее с основной частью – ядром господствующей доктрины о порядке производства по уголовным делам публичного обвинения и привлечения к уголовной ответственности.

Достижение этих целей сопряжено с мировоззренческим сдвигом в понимании того, как действует уголовное право, как образуется средство уголовно-правового воздействия. Мы предлагаем допустить подключение к уголовному правоприменению частного, договорного моментов. Легализовать то, что на практике всегда имело место.

Отдельной концептуальной целью мы ставим разработку системы принципов, благоприятствующих договорному способу применения уголовного закона и разрешения уголовно-правового конфликта. Концептуальное ядро задуманной концепции включает в себя принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности, формальной (юридической) истины.

В качестве специальных методов, используемых для достижения вышеуказанных целей, мы полагаем, будет искомое учение об обвинении, общетеоретическое учение о договоре, учение о процессе.

Концепцией должны быть решены следующие задачи:

– обоснование того, что обвинение, прежде всего публичное, может быть предметом соглашения между прокурором и обвиняемым;

– лишение уголовно-процессуального договора признаков «кабальности» через закрепление обязательств обвинителя не изменять обвинение к худшему,

гарантирование соблюдения условий судебным органом, но также иным участником сделки, например медиатором, посредником;

– доктринальное оправдание того, что подбор и истолкование уголовного закона, подлежащего применению, могут быть предметом соглашения;

– объяснение того, что основания уголовной ответственности, доказательства могут быть предметом соглашения: через исключение обвинительных доказательств;

– аргументирование того, что главным субъектом публичного обвинения и, соответственно, стороной в договоре с обвиняемым должен быть только прокурор;

– разработка процессуальных форм распоряжения субъектами публичного обвинения своими материальными и процессуальными правами на обвинение;

– предложение процессуальных форм взаимодействия между субъектами сообвинения при выработке солидарной позиции при заключении соглашения со стороны защиты;

– обоснование в качестве предпосылки к заключению соглашения и (или) пункта договора, включающее взаимные права и обязанности сторон, устранение самим обвиняемым или иными лицами (в его интересах) последствий преступления;

– трактовка публичного обвинителя и частного (со)обвинителя как субъектов диспозитивности;

– объяснение решения прокурора (обвинителя) об изменении обвинения в лучшую сторону как проявление материальной диспозитивности;

– развитие запрета на поворот к худшему применительно в договорной уголовно-процессуальной форме;

– предложение об использовании прокурором полномочия на изменение обвинения в худшую сторону как средство побуждения стороны защиты к заключению соглашения о сотрудничестве или завершению уголовно-правового спора;

– формулирование запрета: торговаться сторонам можно только в пределах доказанного и потому предполагаемого как действительно совершенного обвиняемым преступления.

Кроме того, в рамках концепции предполагается разработать проект унифицированной формы досудебного разрешения дела на договорной основе – по приказу прокурора, но также введение института следственного судьи – как субъекта разрешения уголовно-правового спора договорным путем, требующего применения штрафной санкции.

Очевидно, при разработке концепции не избежать критики или попыток найти новое сосуществование института уголовно-процессуально-правового договора с принципами и концептами следственной процессуальной идеологии: объективной истины, следственной вариации публичности и пр.

Таков общий замысел, который мы собираемся реализовать в рамках концепции о договорных уголовно-процессуальных производствах. Полагаем, что даже только попытка его реализации может быть зачтена как посильный вклад автора в развитие современной отечественной уголовно-процессуальной доктрины.

Список источников

1. Путин В.В. Выступление на форуме АСИ «Сильные идеи для нового времени» 20 июля 2022 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/9> (дата обращения: 01.10.2022).
2. Андреева О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Томск, 2000. 133 с.
3. Абишлава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2012. 456 с.
4. Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 418 с.
5. Шестакова С.Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 388 с.
6. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
7. Александров А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право : сб. материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто. М. : Юриспруденция, 2021. С. 236–245.
8. Благов Е.В. Теория применения уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 415 с.
9. Кропачев Н.М. Принципы применения мер ответственности за преступление // Правоведение. 1990. № 6. С. 71–76.
10. Даев В.Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1. С. 76–86.
11. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара : Самарский университет, 2010. Вып. 5. С. 329–335.
12. Ковтун Н.Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 1. С. 98–105.
13. Аликперов Х.Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 79–86.
14. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку : Элм, 1992. 196 с.
15. Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 300 с.
16. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. 296 с.
17. Жалинский А.Э. Уголовная политология и уголовная политика: необходимость нового подхода // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти профессора П.С. Дагеля. Владивосток : Изд-во Владивостокского университета, 2010. С. 8–27.

18. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 339 с.
19. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность. М. : Юрлитинформ, 2016. 752 с.
20. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 350 с.
21. Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1915. Кн. 9. С. 104–142.
22. Полянский Н.Н. Право обществ на уголовный иск // Вопросы права. 1911. Кн. 6 (2). С. 110–122.
23. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М. : Право и жизнь, 1927. 127 с.
24. Полянский Н.Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 105–115.
25. Сидоренко Э.Л. Институт частного и частно-публичного обвинения в свете перспектив кодификации российского уголовного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 100-летию проекта Уголовного уложения 1913 года) : материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 207–210.
26. Aleksandrov A.S., Zaytsev O.A., Muraev P.P., Ruchkin V.A. The Institutional Basis for Implementing «Smart Technologies» in the Legal System of Fighting Crimes // «Smart Technologies» for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 155. Springer, Cham., 2021. P. 1195–1203. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_130
27. Аширбекова М.Т. О расширении частно-публичного обвинения // Вопросы правоведения. 2013. № 1. С. 233–238.
28. Горюнов В.Ю. Об оптимизации частно-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 99–103.
29. Сычёв П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. М. : Юрлитинформ, 2020. 336 с.
30. Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. 313 с.

References

1. Putin, V.V. (2022) *Vystuplenie na forume ASI “Sil’nye idei dlya novogo vremeni” 20 iyulya 2022 goda* [Speech at the ASI Forum “Strong Ideas for the New Times” on July 20, 2022]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/9> (Accessed: 01.10.2022).
2. Andreeva, O.I. (2000) *Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Limits of dispositivity in criminal proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Abshilava, G.V. (2012) *Soglasitel’nye protsedury v ugovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation]. Moscow: YurLitinform.
4. Sidorenko, E.L. (2013) *Dispozitivnost’ kak rezhim ugovno-pravovogo regulirovaniya* [Dispositivity as a regime of criminal law regulation]. Law Dr. Diss. Moscow.
5. Shestakova, S.D. (2004) *Genesis metoda rossiyskogo ugovno-protsessual’nogo prava v usloviyakh konvergentsii i divergentsii anglosaksonskoy i kontinental’noy pravovoykh sistem (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [The genesis of the method of Russian law of criminal procedure in the context of convergence and divergence of the Anglo-Saxon and continental legal systems (theoretical and legal research)]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
6. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On development prospects of the Russian criminal proceeding in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/25
7. Aleksandrov, A.S. & Zaytsev, O.A. (2021) *Perspektivy razvitiya dogovornykh mekhanizmov v “ekonomicheskom ugovnom sudoproizvodstve”* [Prospects for the Development of Contractual Mechanisms in “Economic Criminal Proceedings”]. In: Zhuykov, V.M., Gutnikov, O.V., Sinitsyn, S.A. & Shelyutto, M.L. (eds) *Ustoychivyy ekonomicheskiy rost i pravo* [Sustainable Economic Growth and Law]. Moscow: Yurisprudentsiya. pp. 236–245.
8. Blagov, E.V. (2005) *Teoriya primeneniya ugovnogo prava* [Theory of criminal law application]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
9. Kropachev, N.M. (1990) *Printsipy primeneniya mer otvetstvennosti za prestuplenie* [Principles of application of liability measures for a crime]. *Pravovedenie*. 6. pp. 71–76.
10. Daev, V.G. (1970) *K ponyatiyu obvineniya v sovetskom ugovnom protsesse* [On the concept of accusation in the Soviet criminal process]. *Pravovedenie*. 1. pp. 76–86.
11. Gavrilov, B.Ya. (2010) *Institut pred’yavleniya obvineniya: pravovye realii i mify* [The institution of bringing charges: legal realities and myths]. In: Lazareva, V.A. (ed.) *Aktual’nye problemy sovremennogo ugovnogo protsessa Rossii* [Topical problems of the modern criminal process in Russia]. Vol. 5. Samara: Samara State University. pp. 329–335.
12. Kovtun, N.N. (2020) *Institut privlecheniya v kachestve obvinyaemogo: o “deprotsessualizatsii” i “dematerializatsii” ego suti i sodержaniya v ugovnom sudoproizvodstve Rossii* [The institute of involvement as an accused: about the “deprocessualization” and “dematerialization” of its essence and content in the criminal proceedings of Russia]. *Rossiyskiy zhurnal pravovoykh issledovaniy*. 7(1). pp. 98–105.
13. Alikperov, Kh.D. (1991) *Sotsial’naya obuslovlennost’ kompromissa v kontseptsii ugovnoy politiki* [Social conditionality of compromise in the concept of criminal policy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 79–86.
14. Alikperov, Kh.D. (1992) *Prestupnost’ i kompromiss* [Crime and compromise]. Baku: Elm.
15. Alikperov, Kh.D. (1992) *Problemy dopustimosti kompromissa v bor’be s prestupnost’yu* [On the admissibility of compromise in the fight against crime]. Law Dr. Diss. Moscow.
16. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2014) *Problemy rossiyskoy ugovnoy politiki* [Problems of Russian criminal policy]. Moscow: [s.n.].

17. Zhalinskiy, A.E. (2010) Ugolovnaya politologiya i ugolovnaya politika: neobkhodimost' novogo podkhoda [Criminal politology and criminal policy: the need for a new approach]. In: *Ugolovnaya politika i pravo v epokhu peremen* [Criminal policy and law in an era of change]. Vladivostok: Vladivostok State University. pp. 8–27.
18. Lopashenko, N.A. (2004) *Osnovy ugolovno-pravovogo vozdeystviya: ugolovnoe pravo, ugolovnyy zakon, ugolovno-pravovaya politika* [Fundamentals of criminal law influence: criminal law and criminal law policy]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
19. Lopashenko, N.A. (ed.) (2016) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskiy kurs* [Criminal Law. General Part. Crime. Academic Course]. Vol. 3. Moscow: Yurlitinform.
20. Lesnikov, G.Yu. (2005) *Ugolovnaya politika sovremennoy Rossii (metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy)* [Criminal policy of modern Russia (methodological, legal, and organizational bases)]. Law Dr. Diss. Moscow.
21. Polyanskiy, N.N. (1915) K voprosu ob uchastii chastnykh lits v publichnom obvinenii [On participation of individuals in public prosecution]. *Yuridicheskiy vestnik. Izdanie Moskovskogo Yuridicheskogo Obshchestva*. 9. pp. 104–142.
22. Polyanskiy, N.N. (1911) Pravo obshchestv na ugolovnyy isk [The right of companies to a criminal action]. *Voprosy prava*. 6(2). pp. 110–122.
23. Polyanskiy, N.N. (1927) *Ocherki obshchey teorii ugolovnogo protsesssa* [On the general theory of criminal procedure]. Moscow: Pravo i zhizn'.
24. Polyanskiy, N.N. (1960) K voprosu o yuridicheskoy prirode obvineniya pered sudom [On the legal nature of the accusation before the court]. *Pravovedenie*. 1. pp. 105–115.
25. Sidorenko, E.L. (2013) Institut chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya v svete perspektiv kodifikatsii rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva [The institute of private and private-public prosecution in the light of the prospects for codification of Russian criminal law]. In: Komissarov, V.S. (ed.) *Problemy kodifikatsii ugolovnogo zakona: istoriya, sovremennost', budushchee (posvyashchaetsya 100-letiyu proekta Ugolovnogo ulozheniya 1913 goda)* [Problems of codification of the criminal law: history, modernity, future (dedicated to the 100th anniversary of the draft Criminal Code of 1913)]. Moscow: Yurlitinform. pp. 207–210.
26. Aleksandrov, A.S., Zaytsev, O.A., Muraev, P.P. & Ruchkin, V.A. (2021) The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes. In: *“Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 155. Springer, Cham. pp. 1195–1203. [Online] Available from: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_130 (Accessed: 01.10.2022).
27. Ashirbekova, M.T. (2013) O rasshirenii chastno-publichnogo obvineniya [On the expansion of private-public prosecution]. *Voprosy pravovedeniya*. 1. pp. 233–238.
28. Goryunov, V.Yu. (2018) Ob optimizatsii chastno-publichnogo poryadka ugolovnogo presледovaniya sub"ektov prestupleniy protiv sobstvennosti v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti [On the optimization of the private-public order of criminal prosecution of subjects of crimes against property in the sphere of entrepreneurial activity]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*. 4(34). pp. 99–103.
29. Sychev, P.G. (2020) *Proizvodstvo po ugovolnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy i predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Proceedings in criminal cases on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity]. Moscow: Yurlitinform.
30. Sherstnev, V.B. (2022) *Ugolovno-protsessual'nyy poryadok dosudebnogo uregulirovaniya ugovolno-pravovykh sporov: sovremennoe sostoyanie i kontsepsiya optimizatsii* [The order of criminal procedure of pre-trial settlement of criminal law disputes: the current state and the concept of optimization]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

Информация об авторе:

Колесник В.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: nikkipohta@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kolesnik, Docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Civil Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: nikkipohta@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022;
одобрена после рецензирования 6.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022;
approved after reviewing 6.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.